

У Гоголя — смех сквозь слезы. А у Ерофеева — слезы сквозь смех

ВАДИМ ТИХОНОВ работал до последнего времени в Добрынихе, в Подмосковье, в дурдоме. Электрчком.

Уволен по причине алкоголизма.

Вадиму Тихонову посвящена знаменитая поэма **ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА** «МОСКВА — ПЕТУШКИ».

После первой встречи долго договаривались о второй. Тема беседы, до боли близкая соотечественнику: русский человек и алкоголь.

— Ну здравствуйте, Вадим Тихонов!

— Здравствуйте, Ольга Кучкина!

— Наконец-то увиделись... Был ли у вас в юности какой-то идеал жизни, Вадим?

— В юности? Наверяд ли я подозревал, что какой-то идеал существует.

— Почему я спросила вас об идеале: потому что думала, что, может быть, ваш друг Вени Ерофеев был для вас кумиром?

— Нет, конечно.

— Посвящение в книге «Москва — Петушки» звучит: «Моему первенцу Вадиму Тихонову». Почему — первенец?

— Потому что мы прекрасно друг друга чувствовали, и он меня ценил за острый фламандский смысл...

— Что значит острый фламандский смысл?

— Ну резвость ума, игра воображения. У него самого был такой характер, он не любил мрачного гения, он любил легкость. Моцарт, легкий, игривый — это ему нравилось.

— А как вы познакомились?

— У меня есть друг детства Боря Сорокин, он тоже поступил во Владимирский пединститут, и, когда Ерофеева погнали из общезнания за аморалку и пьянку, он пришел ко мне и сказал: есть сокурсник, совершенно гениальный, колосс. Я, конечно, сострылял: небось, на глиняных ногах. Он привел его ко мне, и с тех пор мы стали не разлей вода.

— Вы говорите: за аморалку и пьянку. И «Москва — Петушки» — сплошное описание беспрудного пьянства, все эти коктейли, начиная от «Слез комсомолки» и кончая Бог знает чем. А в то же время он пишет, как ему свойственно, в ироническом ключе, хотя это очень серьезно: Господи, мне известны почти все твои тайны, но зачем ты мне дал такое целомудрие? Вы оцениваете его как целомудренного человека?

— Совершенно. Настолько целомудренного, что это громаднейшая редкость, цинизма совершенно ни капли. Если кто-то из окружающих пошлое междометие там или что... он тотчас потупливает глаза и очень стесняется...

— Вы обиделись на кого-то, сказавшего, что «Москва — Петушки» посвящена «безвестному советскому алкоголику». На что вы обиделись? На «безвестного», «советского» или «алкоголика»?

— Я обиделся за Ерофеева. Не мог он посвятить свою вещь просто безвестному советскому алкоголику.

— Я спрашиваю потому, что у нас самая страшная беда, страшный грех в России? Люди пьют. Очень много алкоголиков. А с другой стороны, алкоголики иногда как бы святые или шуты народные, такой характер, в котором много всего намешано, и светлое есть. Что вы сами думаете? О себе? И, может, о Венечке Ерофееве?

— Трудно ответить. Для кого-то, может, и огромная беда. А для кого-то способ существования...

— Но алкоголь разрушает или создает?

— Тело, конечно, разрушает, но определенные склады души... Русскому народу это свойственно, это чисто потребное души. В половине случаев в России русскому человеку это помогает.

— А что это значит? Что душа получает?

— Понимаю, в русской душе, наверное, должно равновесие соблюдаться. Когда человек пьет, он как бы мукает, наполняется чувством собственного достоинства, крепнет-крепнет... — спад. Вот такое равновесие. На этом зиждется пьянство российское.

— А другого способа обрести мужество и достоинство нет?

— Человечество, видно, не придумало другого способа, потому что из ничего ведь не возникает питье.

— А я думаю, что придумало. Ваш друг, скажем, он писал. И эта форма жизнедеятельности для него была высочайшей потребностью, а там бы-

Сказал "ну!", он повернулся назад, отпустил руки, взял бутылку и погнес ее рукой, такими пальцами, какими и великие святые свободными пальцами для работы.

«... Ты думал вот нечто, востыли — и на ходу из алкологички, выстрелил. Вдруг он не расслышал... Я сначала подумал, начал отбивать... Нева, на буду и негаты, откинул. Обхватилно разоблос... И Сомоня ушел, поармеленый».

Венедикт ЕРОФЕЕВ. «Москва-Петушки».

ли и мужество, и достоинство, и все прочее. Правда, вы скажете: он писал, но он и пил. Но вообще-то есть люди, которые пьют, но не пьют, значит, это не непреременная вещь...

— От этого нигде не деться, это в мировой литературе, начиная с древних там греков, римлян и так далее, красной нитью идет через всю жизнь. Питье как бы определяет сознание...

— Интересная формула... Когда я думаю о Ерофееве, я вижу человека с обнаженной душой и обнаженными нервами, у него между шутейными вещами проскальзывают признания очень большой силы. Как он спрашивает, видели ли вы картину Крамского «Неутешное горе», и что, мол, каждый человек переживал, когда у него умер кто-то близкий, а для меня это постоянное состояние, можете ли вы это понять?!

— Его сравнивают с Гоголем, источник-де в Гоголе, а я думаю, что они ничего общего не имеют. У Гоголя смех сквозь слезы, а у Ерофеева слезы сквозь смех. Понимаете, он был ужасный экспериментатор, Ерофеев, он и погиб, по сути, потому что все время экспериментировал. Все выяснял, что бывает при такой-то степени опьянения, фиксировал. И после опьянения — фиксация состояния. То есть сплошной эксперимент.

— При этом у него оставалось время, желание и возможность много читать. Вы хорошо знаете его и себя, потому что многое читали вместе с ним...

— Ну мы дышали, собственно говоря, одним воздухом. Когда появился в моей жизни Ерофеев, действительно, настрой перевернулся. Сервантес, Достоевский... Все началось с Достоевского. А потом пошли и Бердяев, и Лосский, и тому подобное. Куча философов, запрещенных тогда... Ну, правда, Ерофеев приехал во Владимир уже сложившимся... Человек не успевал оглянуться, как становился почтателем и рабом его мыслей, его обаяния, интеллекта.

— А вы считаете, ваша жизнь сложилась?

— Да, считаю, сложилась.

— Вадим, но ведь есть и трагические последствия того образа жизни, который вы вели. В книге «Москва — Петушки» совершенно пронзительные строки посвящены сыну, мальчику, до которого он хочет и всякий раз не может доехать. Как он молится: Господи, даже если этот ребенок упадет, чтоб он не сломал ручку или ножку... Это был реальный мальчик?..

— Да, реальный сынишка был. Вени.

— А потом дело кончилось тем, что этот Вени, который так же хорош, как его отец, и его мать, замечательная девушка из Владимирского пединститута, Валя, да, Черная?..

— По кличке «Черная».

— Он всех девушек по цветам называл: Черная, Коричневая, Зеленая, да?..

— Флердоранж, потому что у нас больше цветов не хватило...

тополь, с такой гривой волос!..

— Белокурых?

— С сединой. Я бы не сказал, что б он был красив, но обаяние!..

— Вот его первая жена Валя и сын Венедикт Венедиктович, они же тоже в конце концов стали алкоголиками, так?

— Так. Но, видите, подтверждается тезис, что все-таки должна быть искра Божия, не каждому дано.

— Вы имете в виду, что у сына ее нет?

— Совершенно нет.

— А он счастлив был в любви?

— У него был идеал женщины — бывшая тургеневская женщина, а в наши времена кодовая комсомолка. Просто тургеневская женщина переродилась в эту... в комсомольского вожака.

— В комсомольскую богиню, совершенно верно.

— Связь времен, между прочим.

— Была такая Юля Рунова, комсомольская секретарша, его первая любовь... сейчас скажу, продолжительность примерно около 20 лет... Но он на ней не женился только потому, что жена его сошла с ума.

— Это которая?

— Вторая жена, Галина Ерофеева, она сошла с ума, и он мне сказал: ну, Вадимчик, как я могу теперь бросить ее, интересно, и уйти к своей Юле Руновой?

— Это было невозможно?

— Да, это было уже выше его моральных правил.

— Но сын сидел у постели отца, когда отец умирал, был он и была жена Галина. И вы были, да?

— Да, за четыре дня до смерти.

— И что это было — это последнее свидание с ним?

— Нам последние лет пять необязательно было и общаться...

— Почему?

— Мы так разговаривали...

— Поверх барьеров?

— Поверх барьеров. Да, внутренняя связь была.

— А последний раз почему вы к нему попали? Он позвал?..

— Очевидно, он звал. Мне крайне трудно выбрать отсюда, из Добрынихи, расхожу туда, тем более я безработный... Но проснулся — надо ехать к Ерофееву. Поехал. Привез водочки. Ну чего, Ерофейчик, все равно ведь, сам знаешь, нукуда не деться... Ну, у него искорки в глазах блеснули... Ну вот, а потом дал немощечко отмашку... Ну я все понял.

— Отмашку, что нет?

— Нет, и ни к чему. И глаза потухли. Ну все, я вышел, все. Потому что это было уже невыносимо совершенно... И через четыре дня он умер.

— А вот книжка заканчивается тем, что как будто ему снится сон, или это явь, непонятно: как будто кто-то протыкает ему горло. Это что такое значит? Тогда ведь он был здоров, а потом умер от горла, от рака горла. Предвидение?

— Да, железное совершенное предвидение.

Ольга КУЧКИНА.
Коллаж Винтора СЕНЦОВА.